

Николай Павлович Загоскин

**Врачи и врачебное дело в
старинной России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н63

Н63 **Николай Павлович Загоскин**
Врачи и врачебное дело в старинной России / Николай Павлович Загоскин –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-5785-1

ISBN 978-5-4241-5785-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Долго не появлялось въ нашемъ отечествѣ попечительной дѣятельности государства, направленной къ обезпеченію для народныхъ массъ врачебной помощи.

Правда, принимались уже очень рано государствомъ болѣе или менѣе дѣятельныя, но за то нерѣдко и чисто палліативныя, мѣры борьбы съ народными бѣдствіями,—въ видѣ повальныхъ моровыхъ повѣтрій и голодовъ,—которыя очень часто посѣщали съ древнѣйшихъ временъ наше отечество, но я не опасуюсь впасть въ парадоксъ, утверждая, что доступной для народныхъ массъ врачебной помощи въ нашемъ отечествѣ не существовало, собственно говоря, вплоть до введенія земскихъ учреждений и тѣсно связаннаго съ ними возникновенія земской медицины. До конца XVII-го вѣка существовало у насъ лишь „государево“ врачебное дѣло, рассчитанное на потребности царскаго двора и высшихъ служилыхъ чиновъ; съ Петра I появляется чиновно-бюрократическая медицина, доступная единственно почти привилегированнымъ классамъ,—и только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе возникаетъ у насъ общенародная и общедоступная медицина, которая можетъ быть названа *земскою* въ истинномъ значеніи этого слова.

Чѣмъ же, въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія, обезпечивалась для народныхъ массъ, разбросанныхъ по безконечнымъ пространствамъ русской земли, столь необходимая для каждаго человѣка врачебная помощь?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не сложенъ: у народныхъ массъ была *своя собственная*, своя доморощенная медицина, которая пережила многіе вѣка историческаго развитія жизни, которая

и въ наши дни существуетъ въ видѣ цѣлой совокупности знаній, огрещиваемыхъ общимъ наименованіемъ *народной медицины*. Дѣло специалистовъ-медиковъ рѣшить вопросъ о степени рациональности и цѣлесообразности отдѣльныхъ основаній этой, крайне интересной, области духовной жизни народа. Часто, впрочемъ, приходится слышать отзывы людей знающихъ о томъ, что въ области народной медицины—встрѣчается не мало началъ вполнѣ здравыхъ, которыя изъ узкихъ рамокъ чисто эмпирическаго знанія—легко могутъ быть возведены на степень положеній, имѣющихъ за собою научную подкладку; что весьма многія врачебныя средства непосредственно заимствованы наукою именно изъ народной медицины, будучи научно обоснованы и затѣмъ введены въ систему современной научной медицины.

Русская народная медицина такъ же стара, какъ стара и историческая жизнь русскаго народа; корни ея уходятъ въ глубину до-исторической, языческой поры жизни нашего народа. Она пережила, затѣмъ, тысячелѣтній періодъ уже исторической жизни его—и до нашихъ дней сохраняетъ за собою огромную силу, существуя на-ряду съ наукою медициною и даже вступая съ нею, подъ часъ, въ борьбу.

Кому не знакомо явленіе *знахарства*, распространенное по всему широкому лицу земли русской и съ которымъ, сплошь и рядомъ, доводится считаться труженикамъ нашей земской медицины? На этой почвѣ, на-ряду съ относительно здоровыми началами, весьма часто выступаютъ, конечно, грубое шарлатанство, обманъ и эксплуатація одного изъ самыхъ существенныхъ стремленій человѣка—стремленія въ сохраненію своего здоровья и своей жизни.

Кому не извѣстны печальные факты наглаго обмана со стороны разнаго рода шарлатановъ и самозванныхъ „врачей“,—обмановъ, жертвами которыхъ дѣлаются не только представители темнаго люда, но и люди относительно интеллигентные, и даже люди,—какъ это не можетъ показаться страннымъ,—весьма интеллигентные? Развѣ мы не были свидѣтелями мас-

совых паломничествъ, которыя со всѣхъ концовъ Россіи совершались въ самарскому деревенскому знахарю Кузьмичу? Развѣ мы, казанцы, не были очевидцами слѣпой вѣры въ какого то перса-проходимца, который въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ морочилъ нашихъ согражданъ, нагло обирая своихъ довѣрчивыхъ пациентовъ? Вспомнимъ, наконецъ, ученика „китайскаго шамана“, который по настоящее время практикуетъ въ нашемъ городѣ свое лѣченіе „способомъ средствъ“, отъ времени до времени привлекаясь за это въ камеры мировыхъ судей.

Если подобнаго рода факты представляются явленіемъ обыденнымъ въ наше культурное время, то тѣмъ болѣе имѣемъ мы основаній искать ихъ въ прошлой жизни нашего народа, восходя до самыхъ отдаленныхъ эпохъ ея.

I.

Древнѣйшая языческая медицина.—Кудесники и волхвы.—Начало христіанской медицины.—Врачебное дѣло въ Кіевской Печерской Лаврѣ.—Слѣды борьбы христіанской и языческой медицины.—Зачатки свѣтской медицины въ удѣльномъ періодѣ и первые врачи.

У всѣхъ народовъ, въ первоначальную пору ихъ исторической жизни, врачебное дѣло было тѣсно связано съ религіею.

Въ законодательствѣ Моисея дѣло распознаванія и лѣченія болѣзней, а также наблюденіе за гигиеническими условіями жизни—было всецѣло возложено на священниковъ; законодательныя книги Моисея (въ особенности книга Левитъ) были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и кодексомъ общественной медицины. У грековъ въ числѣ олимпійскихъ божествъ фигурируетъ Эскулапъ—богъ врачей и врачебнаго дѣла. У первобытныхъ народовъ жрецы, волхвы—были, въ одно и тоже время, и служителями алтаря и врачами; это наблюдается и среди современныхъ намъ дикарей. Волхвованія, заклинанія, заговоры и наговоры, основанные на вѣрѣ въ таинственныя силы приро-

ды, которыя служили и предметомъ религіознаго культа—являются на этой ступени народной жизни преобладающими срудіями архангеской медицины, на-ряду съ простыми, чисто механическими средствами врачеванія наружныхъ тѣлесныхъ поврежденій.

Такъ было и въ древнѣйшей, до-христіанской Руси. Эта древнѣйшая Русь, олицетворявшая въ своихъ божествахъ силы природы и вызываемыя ими во внѣшнемъ мірѣ явленія—не знала жрецовъ, обязанности которыхъ выполнялись старцами, совмѣщавшими въ себѣ и дѣло внѣшняго религіознаго культа, и храненіе преданій, и вѣщаніе права; эти же старцы совмѣщали въ себѣ, по всей вѣроятности, и обладаніе тайнами первобытнаго лечебнаго искусства. Старцы (по другимъ вариантамъ—*калики* переходіе) испѣляютъ Илью Муромца, который, по нашимъ былинамъ, тридцать три года сиднемъ сидѣлъ въ селѣ Карачаровѣ, и возвращаютъ ему силы, давъ испить „чарочку питьяца медвянаго“.

Существовалъ, наконецъ, въ древней Руси цѣлый контингентъ лицъ, которые считались посредниками между человѣчествомъ и таинственными силами природы и которымъ вѣдома была тайна обращать эти силы въ пользу или во вредъ челоуѣку. Пользуясь общеніемъ съ этими силами природы, они могли какъ наводить на челоуѣка немочь, такъ и освобождать его отъ приключившагося ему недуга. Это — *кудесники*, *волхвы*, *вѣдуны* и *вѣдуньи*, играющіе видную роль въ древнихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ устной народной словесности. Къ кудеснику обращается князь Олегъ съ вопросомъ о причинѣ будущей смерти своей. Въ Суздальской землѣ, во время голода, появились смущавшіе народъ волхвы, противъ которыхъ лично выступилъ великій князь Ярославъ; онъ повелѣлъ схватить и выслать ихъ изъ земли, такъ какъ, по его словамъ—„Богъ за грѣхи караетъ людей и голодомъ и моромъ и иными вазнями, челоуѣкъ же здѣсь ни причемъ“. Въ 1071-мъ году, также во время голода, проявились волхвы на Бѣлоозерѣ, гдѣ ихъ преслѣдуетъ княжескій дань-

щикъ Янъ Вышатичъ. Въ 1227-мъ году въ Новгородѣ сжигаютъ волхвовъ, появившихся здѣсь и прельстившихъ многихъ людей своимъ вѣдовствомъ, „потворами“ и ложными знаменьями.

Племена финскаго корня были этнографическимъ элементомъ, который въ особенномъ изобиліи выдѣлялъ изъ себя всѣхъ этихъ кудесниковъ и волхвовъ. Къ нимъ, на сѣверъ, въ глубь первобытныхъ лѣсовъ, ходили русскіе люди за волхвованіями еще долго спустя послѣ водворенія христіанства въ при-Днѣпровской Руси,—ходили, какъ и теперь ходятъ къ какому нибудь Кузьмичу или персидскому врачу, даже тогда, когда въ крещеной Руси „волхвованія“ были уже возведены на степень наказуемаго антирелигіознаго преступленія.

Прекрасно охарактеризовалъ это мистическое значеніе древняго русскаго сѣвера нашъ безсмертный поэтъ, вложивъ въ уста своего Финна („Русланъ и Людмила“) слѣдующія слова:

„Но слушай: въ родинѣ моей,
„Между пустынныхъ рыбарей,
„Наука дивная таятся:
„Подъ кровомъ вѣчной тишины
„Среди лѣсовъ, въ глуши далекой,
„Живутъ сѣдые колдуны . . .

Долго держались кудесничество и волхвованія въ Чудской землѣ, и долго приходилось бороться съ ними нашимъ князьямъ и представителямъ духовенства. Но народъ вѣрилъ въ силу этихъ „сѣдыхъ колдуновъ“ и въ ихъ „дивную науку“ и охотно обращался къ нимъ въ своихъ нуждахъ. Въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ, народъ открыто сталъ за волхва противъ своего князя; только убіеніе Глѣбомъ этого волхва прекратило возникшій мятежъ.

Сами представители новой религіи вѣрили въ силу языческихъ волхвованій. Лѣтописецъ повѣствуетъ намъ подѣ

1071-мъ годомъ, что нѣкій новгородецъ явился однажды къ чудскому кудеснику „хотя волхвованья отъ него“, но что это волхвованье до тѣхъ поръ оставалось безъ всякаго результата, пока новгородецъ не снялъ съ себя находившагося на немъ креста: „Такова,—воскликаетъ по этому поводу лѣтописецъ,— бѣсовская сила, наводящая и благо и *нemoцъ*, и такъ то волхвуютъ наученьемъ бѣсовскимъ... Чаше всего дается даръ волхвованія женщинамъ,—продолжаетъ лѣтописецъ,—ибо уже первая жена прельщена была бѣсомъ; онѣ волхвуютъ и чародѣйствомъ, и отравою, и иными кознями бѣсовскими,—но и мужи, добавляетъ лѣтописецъ, также прельщаемы бываютъ бѣсами“. Такимъ образомъ, самъ лѣтописецъ,—монахъ и аскетъ,—вѣрить въ силу волхвованій, могущихъ давать и *нemoцъ* и здорoвье, но только относится къ нимъ съ негодованьемъ, какъ къ переживанію языческой поры народной жизни.

Такова была почва, на которой вправдѣ мы искать слѣдовъ древнѣйшей, языческой, медицины, представлявшей собою смѣсь знаній цѣлительныхъ дѣйствительныхъ цѣлебныхъ силъ природы съ мистическою вѣрою въ чудодѣйственныя тайны ея.

Появившееся на Руси христіанство вступило въ ожесточенную борьбу съ этою языческою медициною. Волхвовъ преслѣдовали, казнили, сожигали, а самое волхвованіе объявлено преступленіемъ уже въ первыхъ памятникахъ русскаго церковнаго права. „Уставъ о церковныхъ судахъ“ св. Владиміра выдвигаетъ специфическое преступленіе противъ вѣры—*зеленничество*, которое поставлено здѣсь рядомъ съ вѣдовствомъ. Если мы вспомнимъ, что въ древней Руси очень долго разумѣли подъ названіемъ „зелья“ разнаго рода лечебныя снадобья,—то получимъ возможность предположить въ этомъ преступленіи именно пользованіе таинственными средствами, входившими въ область языческой медицины.

Появившись въ нашемъ отечествѣ, христіанство приняло дѣло врачеванія подъ свое непосредственное покровительство. Церковный уставъ св. Владиміра объявляетъ больницы—церковнымъ учрежденіемъ, а самыхъ „лечцовъ“, т. е. врачей—

людьми церковными, богадѣльными, подвѣдомственными епископу.

Христіанство было перенесено къ намъ изъ Византіи. Изъ Византіи же перешло въ Русь и воззрѣніе на врачебное дѣло, какъ на предметъ ближайшаго вѣданія и попечительства церкви. Въ Византіи врачебное дѣло, какъ это было въ извѣстную пору жизни и въ западной Европѣ, ютилось, главнымъ образомъ, при монастыряхъ и церквахъ, и монахи считали врачеваніе больныхъ дѣломъ своего подвижническаго призванія. Такой же порядокъ вещей складывается и у насъ послѣ введенія христіанства. Проникнутые рвеніемъ къ новой вѣрѣ, древніе русскіе князья, въ числѣ другихъ богоугодныхъ дѣлъ, направляютъ свои заботы и на призрѣніе больныхъ. Св. Владиміръ велитъ разыскивать по городу больныхъ и доставлять имъ на домъ пропитаніе; то же дѣлаетъ и Андрей Боголюбскій; лѣтописецъ, вспоминая заслуги умершаго князя Константина Всеволодовича, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что этотъ князь „покоилъ“ трудныхъ, т. е. больныхъ.

Уже очень рано и у насъ на Руси, подобно тому, какъ это было въ западной Европѣ и въ Византіи, врачебное дѣло находитъ пріютъ подъ сѣнью монастырской, именно подъ сѣнью древнѣйшей русской обители—Кіевскаго Печерскаго монастыря. Въ этомъ отношеніи Печерскій монастырь явился послѣдователемъ славнаго греческаго монастыря — Аѳонской Горы, гдѣ, при императорѣ Романѣ, была устроена св. Аѳонасіемъ „больница больныхъ ради“. Первые иноки нашего Печерскаго монастыря пришли съ Аѳона и перенесли съ собою оттуда врачебныя знанія, которыя и не преминули насадить во вновь созданной русской обители. Печерскій Патерикъ передаетъ намъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскаго монастыря, прославившихся своимъ врачебнымъ искусствомъ.

Во главѣ ихъ стоитъ *преп. Антоній*, подвизавшійся раньше на Аѳонѣ и въ другихъ греческихъ обителяхъ, гдѣ онъ и усвоилъ себѣ начатки медицинскаго знанія. Антоній,—этотъ

„пречудный врач“, какъ именуется его монастырская хроника,—лично ухаживалъ за больными, которыхъ онъ лѣчилъ, давая имъ вкушать исцѣлявшее ихъ „зелъе“.

Далѣе монастырская хроника отмѣчаетъ и другого инока-врача, преп. *Амміа*, излѣчившаго мазью прокаженнаго, котораго тщетно пользовали передъ тѣмъ многіе „врачи, волхвы и иновѣрные люди“ (1).

Третьимъ и особенно славнымъ врачомъ былъ въ Печерскомъ монастырѣ преп. *Агапитъ*, ближайшій ученикъ преп. *Антонія*, унаслѣдовавшій отъ него его врачебныя знанія. Прозванный современниками „врачемъ безмезднымъ“, Агапитъ лѣчилъ и монастырскую братію, лѣчилъ и мірянъ, которые во множествѣ обращались къ нему за помощью. Подобно своему учителю, преп. Агапитъ лѣчилъ больныхъ „зеліемъ“ и лично ухаживалъ за ними,—откуда мы вправе заключить, что при монастырѣ существовала уже въ то время больница.

Преп. Агапитъ особенно извѣстенъ своею борьбою съ практиковавшимъ въ то время въ Кіевѣ врачомъ—армяниномъ, имени котораго Печерскій Патерикъ намъ не оставилъ,—борьбою, въ которой рельефно отражается очевидно существовавшій въ древней Руси антагонизмъ между медициною мірскою и медициною монастырскою. Этотъ армянскій врачъ, у котораго лѣчился самъ князь и лучшіе бояре, былъ, по словамъ Патерика, „хитръ зѣло во врачеваніи, яко прежде того не быти таковому“. Онъ крайне удачно діагносцировалъ больныхъ, и, если въ результатѣ являлось предсказаніе смертельнаго исхода, въ такомъ случаѣ онъ уже отказывался отъ лѣченія. Такъ было однажды съ нѣкимъ бояриномъ, первымъ лицомъ при князѣ Всеволодѣ, которому врачъ предсказалъ смерть черезъ восемь дней. Приведенный въ отчаяніе больной велѣлъ нести себя къ Агапиту; тотъ далъ ему „зелія“ и поставилъ на ноги, вслѣдствіе чего о монастырскомъ врачѣ разошлась слава по всей землѣ русской. Армянскій врачъ воспыталъ завистью къ монастырскому цѣлителю и вступилъ съ нимъ въ полемику—„нача укоряти блаженнаго“. Наконецъ, желая поколебать

авторитетъ Агапита, мірской соперникъ его послалъ къ нему присужденнаго къ казни преступника, давъ ему предварительно выпить яду, съ тѣмъ, чтобы тотъ умеръ на глазахъ монастырскаго врача. Коварный замыселъ не удался: преп. Агапитъ обнаружилъ отраву и спасъ посланнаго, давъ ему противоядія. Отсюда мы вправѣ сдѣлать два вывода: во первыхъ— что уже въ то время существовало у насъ знакомство съ ядами и противоядіями, а во вторыхъ — что уже въ то время между врачами существовали способы конкуренціи, не соответствующіе ихъ высокому призванію и тѣмъ требованіямъ, которыя принято называть въ наши дни „врачебною этикою“.

Вскорѣ представился преп. Агапиту еще болѣе яркій случай доказать свое врачебное искусство. Въ Черниговѣ разболѣлся князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ; долго и усердно пользовалъ князя все тотъ же армянскій врачъ—но безъ всякаго успѣха. Тогда Владиміръ рѣшился обратиться въ Печерскій монастырь, прося игумена прислать къ нему Агапита. Преп. Агапитъ, не выходявшій за предѣлы обители и лѣчившій недужныхъ не иначе, какъ въ самомъ монастырѣ, на отрѣзъ отказался исполнить волю князя: „Если я пойду изъ монастыря для князя, отвѣтилъ онъ, то долженъ буду дѣлать то же и для простыхъ людей“. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ князю своего „зелія“, отъ котораго тотъ быстро поправился. Тогда благодарный Владиміръ прислалъ Агапиту богатые дары. „О чашо мое!—сказалъ посланному иноку,—я никогда и ни отъ кого не бралъ даровъ за лѣченіе“. Только послѣ усиленныхъ настояній взялъ преп. Агапитъ княжескіе дары, но съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ нищимъ.

Заболѣлъ, наконецъ, самъ преп. Агапитъ. Явился, для посѣщенія больного, его соперникъ—армянскій врачъ. Между обоими врачами возникъ медицинскій споръ, во время котораго армянинъ, желая удостовѣриться въ познаніяхъ Агапита, спрашивалъ его—какими „зельями“ врачуются различные недуги? Въ результатѣ преній вышло то, что армянскій врачъ, обратившись къ окружающимъ, пришедшимъ съ нимъ изъ города, сказалъ имъ:

— Онъ ничего не смыслитъ въ нашемъ искусствѣ („не умѣетъ сей ничто же отъ нашея хитрости“)!

Послѣ этого, взявъ больного инока за руку (вѣроятно—посмотрѣвъ его пульсъ), армянинъ предсказалъ ему всего три дня жизни.

— Таковъ то способъ твоего врачеванія („твоего врачеванія образъ“)?—сказалъ преп. Агапитъ.—Ты больше говоришь о смерти, нежели о помощи: если ты искусенъ, то излѣчи меня. Я же тебѣ говорю: смерть моя наступитъ не черезъ три дня, но черезъ три мѣсяца.

Между тѣмъ, къ Агапиту какъ разъ въ это время принесли больного, которому онъ далъ своего лѣчебнаго зелья. Армянскій врачъ заинтересовался монастырскою фармакогнозіею, разсматривалъ это зелье и сказалъ:

— Это зелье—не изъ нашихъ; я думаю, что оно получено изъ Александріи.

Предсказаніе Агапита исполнилось: онъ скончался черезъ три мѣсяца. Это, по словамъ Патерика, такъ поразило армянскаго врача, что онъ принялъ православіе и постригся въ иноки той же обители, въ которой подвизался преп. Агапитъ (*). Такимъ образомъ, Печерскій Патерикъ разрѣшаетъ описанную борьбу монастырской и мірской медицины—побѣдою первой.

Больницы заводились духовенствомъ и по другимъ областямъ русскимъ; такъ, Никоновская лѣтопись свидѣтельствуется, что въ XI вѣкѣ (1091 г.) митрополитъ Ефремъ поставилъ въ Переяславлѣ „строеніе банное“, устроилъ *больницы* и приставилъ къ нимъ *врачей*, которые подавали „всѣмъ приходящимъ безмездно врачеваніе“ (*). Извѣстны были представителямъ духовенства нѣкоторые лечебные приемы и въ позднѣйшія эпохи; такъ, въ половинѣ XV столѣтія духовникъ больного князя Дмитрія Юрьевича Краснаго, священноиноу Осія, останавливаетъ у него посредствомъ тампонаціи сильное кровотеченіе изъ носа („заткну бумажкой ноздри его“), препятствовавшее князю принять св. тайны (*). Вспомнимъ, на-